

ИЗМЕНЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ ПИСЬМЕННО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВТОРОГО ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ

С.В. Кузянов, студент

Сретенская духовная академия
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-3-4-170-173

Аннотация. Статья посвящена проблеме второго южнославянского влияния на Русь, его причинам и связанной с этим явлением книжной справе. Освещаются разные точки зрения ученых на этот вопрос. Показано, как книжная реформа, начавшаяся на Балканах, продолжилась у восточных славян. Отмечена также роль древнерусских и южнославянских книжников в процессе исправления книг.

Ключевые слова: церковнославянский язык, второе южнославянское влияние, книжная справа, древнерусские и южнославянские книжники.

Во второй половине XIV в. на Русь имеет место явление, получившее название «второе южнославянское влияние», т.е. перенесение южнославянских книжных традиций на русскую почву.

Впервые эту мысль высказывает А.И. Соболевский [8, с. 8].

Данный вопрос также исследует Л.П. Жуковская, которая отрицает процесс второго южнославянского влияния и критикует этот термин [2, с. 278]. Она считает, что изменение церковнославянской орфографии произошло в конце XV в. Ученая объясняет это не южнославянским влиянием, а сознательной архаизацией письма русскими книжниками, поскольку ими владела «идея общеславянского православного единства, во главе которого должна оказаться “Москва – третий Рим”» [2, с. 280].

Однако такие ученые, как Б.А. Успенский [11, с. 101-102], М.Г. Гальченко [1, с. 130], А.А. Турилов [10, с. 162-171] в своих работах доказывают, что второе южнославянское влияние было. Русские книги исправляются в соответствии с южнославянской орфографией.

Долгое время второе южнославянское влияние связывают с эмиграцией южных славян на Русь, спасавшихся от турецких захватчиков. Но в работах Б.А. Успенского отмечается другая точка зрения на это явление. По мысли ученого, инициатива исправления книг исходила не от южных славян, а от самих древнерусских книжников,

поскольку рукописи изобилуют ошибками и разночтениями, но образцом служат южнославянские книги [11, с. 269-270]. Тем не менее, представители южнославянской образованности внесли немалый вклад в этот процесс, в частности, митрополит Киприан и Пахомий Логофет.

Для Балкан важным фактором религиозной жизни является обновление церковнославянской традиции, после укрепления Второго Болгарского царства и развития тырновской школы богословия [3, с. 620].

Книжная справа – процесс, в течение которого церковнославянские богослужебные книги и книги Священного Писания подвергаются исправлению для того, чтобы достичь правильности религиозных текстов и языка. Начало книжной справы связано с деятельностью южнославянских (болгарских) книжников по приведению в норму морфологии, орфографии и лексики церковнославянского языка в рамках афоно-тырновской реформы и относится к концу XIII-XIV вв. [3, с. 625]. На тот момент, когда возникает представление о разных искажениях церковнославянских текстов в процессе существования, у южных славян возникает языковая справа [8, с. 268].

С конца XIII в. до последней четверти XIV в. была осуществлена книжная реформа, которая именовалась «тырновской» или «афоно-тырновской» книжной справой. Она проходила при участии болгарских книжников, которые трудились в

общеславянских центрах книжности, в Афонских и Константинопольских монастырях. В числе книжников были Дионисий Дивный, Закхей Философ (Вагил), старцы Иоанн и Иосиф, Феодосий Тырновский, в том числе и многие безымянные переводчики. Необходимость этой работы была связана с переходом православных церквей на богослужение по Иерусалимскому уставу [3, с. 620, 640].

В отношении текстологии верность греческому оригиналу выражена в опоре на современные справщикам греческие списки библейских и богослужебных текстов. Византийская церковно-книжная традиция спокойно принимается в русско-славянских территориях, городах и княжествах с переменным спокойствием и успешно реализуется в восточно-христианский тип аккультурации общества [5, с. 231].

Для древнерусских книжников образцом являются южнославянские рукописи, поскольку у южных славян к этому времени, как говорилось выше, прошла книжная реформа, которая в определенной мере очистила язык от разговорных элементов, упорядочила орфографию, а графику приблизила к греческой. Основные тенденции книжной реформы отражены в трактате Константина Костенческого «О писменех» [4, с. 18-23].

Эта реформа имела большое значение и нашла на Руси свое продолжение, поскольку отвечала насущным требованиям древнерусских книжников. Южнославянская книжная традиция была авторитетна для Руси, поскольку у южных славян не прекращались связи с Грецией, кроме того, их язык был близок к языку Кирилла и Мефодия, т. е. южнославянская традиция воспринималась как более древняя, архаическая [4, с. 22]. Образцом для исправления книг явились южнославянские тексты.

Таким образом, можно выделить две основные тенденции второго южнославянского влияния: грецизация и архаизация текстов.

В период утвердившейся политической дезинтеграции Руси только православная церковная организация общества оставалась единым и интегрированным институ-

том. Тогда наибольшая значимость приобретает деятелями не политического, а интеллектуального плана. В данной ситуации неслучайна социальная стереотипичность общественного идеала религиозного деятеля, мудреца, книжника и подвижника, смиряющего социальные противоречия [5, с. 231]. Подобная функциональность религиозного деятеля была характерна для богословия того периода и генетически восходит к раннехристианской традиции [5, с. 230].

В Константинополе и на Афоне осуществляют свои труды и русские книжники. Результат их деятельности – Чудовский Новый Завет сер. XIV в. (предположительно 1354 г.), Константинопольское Евангелие 1383 г. или 1393 г. (ГИМ, Син. 742), Диоптра инока Филиппа 1388 г. (ГИМ, Чуд. 15), Устав нач. XV в. (до 1416 г. или около 1424 г.). Эти труды предваряли систематическую книжную справу на Руси [13, с. 150].

Чудовская редакция Нового Завета является важнейшим этапом изменения древнерусской богослужебной книжности и выглядит как особая разновидность так называемых правленных редакций богослужебных книг, появляющихся у славян в XIII-XIV вв. [5, с. 350]. Этот памятник можно назвать предшественником второго южнославянского влияния. Новозаветный текст заново переводится с греческого, что свидетельствует о критическом отношении русских книжников к имеющимся у них материалам. Текст этого памятника отличается буквализмом перевода, употреблением греческих букв и грамматических форм, многие слова оставлены без перевода, например: *зерно синапно* [13, с. 49] вместо *зерно горушино* (Мф. 17), *стафили* вместо *грозди* (Мф. 7) [13, с. 36].

Балкано-славянские православные тексты, переведенные на русско-славянскую основу Иерусалимского устава, широко распространены на Руси. Кроме упомянутого позднего перевода Евфимия Тырновского, здесь становится известным и первый болгарский перевод Иерусалимского Устава, происходящий с Афона, который отразился в рукописи РГАДА, Син. Тип. 45 (XIV в.) [6, с. 323-340]. Сербская

традиция Иерусалимского Типикона была отражена в русской редакции, известной как Fekula-VI и составленной, вероятно, в конце XIV – начале XV вв. [7, с. 60]. Все это говорит о том, что книжная справа на Руси в XIV-XV вв. продолжает процесс, начавшийся на Балканах.

Большой вклад в проведение богослужебной реформы и обеспечивающей ее книжной справы был внесен митрополитом Киприаном (1390-1406), который интенсивно укреплял в русских землях книгописание. По его благословению было переписано и разослано по храмам и монастырям значительное количество богослужебных книг [12, с. 74].

Кроме общего руководства ходом реформы и книжной справой Киприан сам осуществлял реформаторскую деятельность. Так, его старанием была обусловлена правка Служебника (ГИМ, Син. 601/344), в который впервые был включен «Устав Божественной литургии» (Диатакис) патриарха Константинопольского Филофея Коккина; Псалтирион с последованием (РГБ, собр. МДА фонд., 142), где последование службы изложено в соответствии с Иерусалимским уставом; был переведен с греческого ряд гимнографических текстов (см. [12, с. 9-85]).

Свою лепту в распространение книжной реформы внес и иеромонах Пахомий Логофет – переводчик, агиограф, редактор богослужебных текстов [12, с. 10].

В книжной реформе в этот период воплощаются в жизнь представления о «книжной правильности» и языковые установки, усвоенные от южнославянских книжников. Предшествующая эволюция церковнославянского языка русского извода при проникновении в него элементов разговорного языка начинает рассматриваться как порча, которая привела к дестабилизации библейских и богослужебных текстов.

В результате второго южнославянского влияния изменяется шрифт церковнославянского языка на русских землях. Древнерусский полуустав сменяется полууставом южнославянского типа, упорядочиваются знаки ударения и придыхания. Зна-

чительно меняется орфография. Слова, пришедшие из греческого языка, пишутся теперь в соответствии с греческим написанием. Снова употребляются такие буквы, как *зело* и *юс большой, о-очное*. В поствокальной позиции вместо буквы *а-йотированной* употребляют *а (моа, всеа, святаа)* [11, с. 318]. Устанавливается написание южнославянского типа сочетаний редуцированного с плавным (*тръгъ, врѣхъ, вълна*). В соответствии с праславянским *dj теперь чаще пишут *жд*, не *ж* и др. [11, с. 304-319].

Кроме того, в этот период становится более активным словообразовательный процесс. Если раньше древнерусский книжник при создании текста при необходимости спокойно мог заимствовать слова из разговорного языка, то теперь эти слова объявляются некнижными, и писец вынужден образовывать новое слово по южнославянской модели. Особенно много слов образовано при помощи суффиксов – *тель-, -тельн-* : *хвалитель, основатель, обогатительный* и др. Появляются новые сложные слова, состоящие из нескольких элементов: *младорастущая, благоумильный, всегорделивый* и др. [11, с. 288-289]. Различия между разговорным древнерусским языком и книжным церковнославянским теперь осознаются не только на фонетическом и грамматическом, но и на лексическом уровне.

Признаки второго южнославянского влияния, как правило, непоследовательно отражаются в русских рукописях, с течением времени какие-то из них исчезают (употребление *юса большого*, написание буквы *а* вместо *а-йотированной* в позиции после буквы гласной и др.) а какие-то входят в норму церковнославянской орфографии (знаки ударения и придыхания, употребление буквы *і* перед гласными и др.).

Таким образом, в результате второго южнославянского влияния на Руси начинается последовательная книжная справа, актуализируются представления древнерусских книжников о правильности языка, что в дальнейшем приводит к необходимости создания церковнославянских грамматических описаний.

Библиографический список

1. Гальченко М.Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Сб. статей. 2000. Москва: Древлехранилище, 2000. – С. 123-152.
2. Жуковская Л.П. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1232-1632) // История русского языка: Исследования и тексты. – Москва: Наука, 1982. – С. 277-286.
3. Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 5. – Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО, 2002. С. 615-643.
4. Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Москва: Наука, 1986. – 405 с.
5. Лукин П.Е. Письмена и православие: Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 376 с.
6. Пентковская Т.В. Адаптация раннего болгарского перевода Иерусалимского Типикона (рукопись РГАДА, ф. 381, № 45) // Кирило-Методиевски студии. Т. 18. София: Проф. Марин Дринов, 2009. – С. 323-340.
7. Пентковская Т.В. Переводы Иерусалимского Типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2018. – 158 с.
8. Пиккио Р. История древнерусской литературы. – Москва: Круг, 2002. – 352 с.
9. Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV-XV веках // Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси. XIV-XVII. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1903. – С. 1-38.
10. Турилов А.А. Древнерусские влияния // Православная энциклопедия. Т. 16. – Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. – С. 162-171.
11. Успенский Б.А. История русского литературного языка. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.
12. Чешко Е.В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV-XV вв.) // Palaebulgarica. Старобылгаристика. № 4. – София: КМНЦ КЪМ БАН, 1981. – С. 9-85.
13. Чудовская рукопись Нового Завета 1354 г. Факсимильное воспроизведение. – Москва: Северный паломник, 2001. – 380 с.

THE CHANGE IN THE OLD RUSSIAN BOOK WRITTEN LANGUAGE TRADITION AS A RESULT OF THE SECOND SOUTH SLAVIC INFLUENC

S.V. Kuzyanov, Student
Sretensky Theological Academy
(Russia, Moscow)

***Abstract.** The article is devoted to the problem of the second South Slavic influence in Russia, its causes and the related book literature. The different points of view of scientists on this issue are highlighted. It is shown how the book reform that began in the Balkans continued among the Eastern Slavs. The role of Old Russian and South Slavic scribes in the process of correcting books is also noted.*

***Keywords:** Church Slavonic language, second South Slavic influence, book culture, Old Russian and South Slavic scribes.*